

Исроэл ЭМИОТ

СИБИРЬ

Биробиджан, 2021 г.

УДК
ББК
Э55

СИБИРЬ. – Биробиджан, 2021. – с.

ISBN

Перевод с идиша: Павел Толстогузов

Редактор: Елена Сарашевская

Верстка и дизайн: Татьяна Истомина

Художник: Роза Строкова

Издание осуществлено ООО «Наследие ЕАО»
с использованием средств гранта Президента Российской Федерации
на развитие гражданского общества, предусмотренного Фондом пре-
зидентских грантов.

Подписано в печать: 2021 г. Формат 60×84/16. Гарнитура «Georgia». Печать офсетная.
усл. п.л. Тираж экз. Заказ № . Отпечатано в типографии ООО «Омега-Пресс»,
680000, г. Хабаровск, ул. Промышленная, 86

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	4
О «Сибири» Исроэла Эмиота по-русски	6
Молитва 1943	8
Мой сон игрушечной лопаткой... ..	10
Мой бедный дед... ..	12
Как было бы здорово листать... ..	14
Безусловно, Йом Кипур, день очищения... ..	16
Впрочем, кто преградит мне путь... ..	18
Еврей, постившийся сорок лет... ..	20
Слушать рассказы о чудесах вечерами... ..	22
Мой сон... ..	24
Так говорит реб Авром Хаим... ..	26
Реб Авром Хаим кричит... ..	28
Мойша Бродерзон врачует... ..	30
Облекся проклятием... ..	32
Молитва человека в снегу	34
Полонез Огинского в Сибири.....	36
Молитва.....	38
Гимн заходу солнца в сибире.....	40
Молитва о том, кто слаб	42
Мечтательный натюрморт	44
Я опять обменяю дневную норму хлеба... ..	46
Со мной или без меня... ..	48
Ну вот, теперь уже все хорошо... ..	50
Мой маленький город	52
Прежде чем наступит весна	54

От переводчика

Исроэл Натанович ЭМИОТ (Яновский-Гольдвассер). Родился в 1909 году в Острове-Мазовецком (Польша). Во второй половине 1920-х и в 30-х годах активный участник польско-еврейской литературной жизни. Спасаясь от немецкой оккупации, бежал в СССР. Жил в Биробиджане с 1944 года. В 1949 году арестован, в 1956 году амнистирован (альтернативная дата ареста — 1948). В 1957 году возвращается в Польшу, в 1958 году эмигрирует в США. Автор поэтических сборников, прозы и мемуаров. Писал на идише. В 1940-е годы публиковался в газетах «Эйникайт» (орган ЕАК) и «Биробиджанер Штерн», в альманахе «Биробиджан». Умер в 1978 году в Рочестере (США).

Один из величайших поэтов-герментевтов XX века.

Написал стихи цикла «Сибирь» в 50-е. Несколько текстов к этому циклу контекстно были добавлены Лией Зазулер (американскому переводчику текстов Эмиота на английский язык и человеку, видевшему Эмиота в последние годы его жизни). Добавления абсолютно правильные, на мой взгляд.

Собственно, все. Ну если о датах.

Это уже третье мое предисловие к Эмиоту. Думаю, не последнее. Даже если ничто не будет издано после этого, предисловия все еще будут сочиняться в моей голове.

Насчет головы, кстати. Сразу в двух головах, моей и Елены Ивановны Сарашевской, возникли несколько предварительных предисловий. Предисловие вообще странная вещь: мы постоянно сочиняем предисловия и послесловия как минимум к своей жизни. Что уж говорить о других...

Эти тексты могут быть разными: проектами уже подытоженной жизни, чем-то вроде околонучного комментария, лиричной исповедью, аскетично-биографическим чем-то еще.

Для меня Эмиот — попытка понять себя. Как мне показалось, я понимаю, о чем он писал. На этом я хотел бы закончить признания. Теперь конспект, который соответствует как его жизни, так и его поэзии. Мне так кажется.

Его строфические формы условны: они именно что напоминают твердые формы, ими не являясь: молитвенный речитатив размывает границы в сложный пунктир.

Перелагая Эмиота, я впервые по-настоящему почувствовал музыкальный смысл пунктуации и строчности. Отсюда все качества т.н. переложения.

И еще. В его обычно коротких идишских строках всегда есть глубокое эхо, и я попытался это передать. Ну то есть это не вполне переводы: там есть смысловый объем, который хочет быть выраженным.

Я внес комментарий в текст насколько смог, чтобы, с одной стороны, не утяжелять текст и, с другой, не снабжать его мешающим вниманию балластом комментариев.

О двух исторических уроках середины прошлого столетия в связи с Эмиотом писать не буду: если это кому-то не понятно, то и непонятно.

Переводчица Эмиота Лия Зазулер стала для меня дорогим человеком: она стала чем-то вроде семейной драгоценности из чужой, случайно доставшейся шкапулки. Она не просто перевела Эмиота, но также добавила две правильных жемчужины к ожерелью. Каждая из которых хранит теплоту ее пальцев.

Павел Толстогузов

Павел Николаевич ТОЛСТОГУЗОВ. Родился в 1959 году в посёлке Чныррах (Хабаровский край). Закончил поселковую восьмилетку и школу № 2 Николаевска-на-Амуре. Учился в Дальневосточном и Ленинградском университетах, в аспирантуре Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Выпускник Ленинградского университета (1982). В 1980-х годах работал в Уссурийском педагогическом институте. С 1990 года живёт и работает в Биробиджане. Литературовед, публицист, эссеист, прозаик. Автор монографии «Лирика Тютчева: поэтика жанра» (2003). Публиковался в российских и зарубежных журналах, альманахах, газетах, в изданиях информационных агентств («Литературная учёба», «Дальний Восток», «Рубеж», «Свой голос», «Вопросы литературы», «Биробиджан», «Изящная словесность», «Мы здесь», «Новая газета во Владивостоке», «Биробиджанерштерн», «Биробиджанская звезда», «ЕАОmedia», «РИА Биробиджан» и др.). Художественная проза переводилась на сербский язык. Делегат I съезда Общества русской словесности. Член Общественной палаты Еврейской автономной области. В разные годы являлся редактором научных и художественно-публицистических периодических изданий. Доктор филологических наук, профессор Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема. Живёт в Биробиджане.

О «Сибири» Исроэла Эмиота по-русски

Издание сборника стихотворений «Сибирь» в русском переводе — это еще один шаг по возвращению в Биробиджан имени и творчества Исроэла Эмиота (1909–1978). Первым значительным шагом в данном направлении стал выпуск в переводе на русский язык являющейся важным источником по истории ЕАО книги его воспоминаний «Биробиджанское дело» (2020), которая была издана на идише в США еще в 1960 году.

На идише (с параллельным английским переводом) сборник «Сибирь» вышел свет в США в 1991 году, уже после смерти поэта, без его непосредственного участия. Основу сборника «Сибирь» составили стихотворения из выпущенной Эмиотом в 1957 году в Польше, куда он прибыл непосредственно из ЕАО, книги стихов «Бенкшафт» («Тоска»). Она резко отличалась по своему содержанию и настрою от выпущенных Эмиотом в СССР, до ареста, поэтических сборников «Лидер» («Стихи», 1940) и «Уфганг» («Восход», 1948).

При взгляде из американского далека Сибирь и Биробиджан сливаются в единое целое, в некую далекую холодную страну снега и крови. В этом контексте символично звучат строки Исроэла Эмиота:

*Сегодня на снегу нет ни одной капли крови.
Никто не был застрелен...*

Они невольно заставляют вспомнить о строках, написанных казенным в рамках дела Еврейского антифашистского комитета Давидом Гофштейном (1889–1952) в 1925 году, во время его недолгого пребывания в Эрец-Исраэль:

*Там, там,
На снегах Севера
Капли моей крови.*

И в еще большей степени — о строках погибшего в ГУЛАГе Хаима Ленского (1905–1943?):

*И тогда, белизны снеговой пелены
В муках брызгами крови усеяв,
Он припомнит о пасынке чуждой страны,
О последнем поэте евреев.*

Родившийся и выросший в Польше Исроэл Эмиот не мог не ощущать себя в советской стране пасынком, хотя в конце 1930-х годов он был увлечен идеями коммунизма. Несмотря на это, он был «западником», человеком, оказавшимся в СССР осенью 1939 года, когда Белосток, в который он бежал, спасаясь от немцев, из своего родного местечка Острив-Мазовецка, вошла Красная Армия. Ряд включенных в сборник «Сибирь» стихотворений были написаны им в период его пребывания в эвакуации в Средней Азии. Оттуда, стремясь найти то место, в котором он будет своим, будет не пасынком, а сыном, поэт перебрался в 1944 году в Биробиджан. Он был свидетелем и активным участником предпринимавшихся после войны попыток развития и укрепления еврейской культуры в Еврейской автономной области. В таком качестве он и был арестован в 1948 году...

Стихотворения, включенные в сборник «Сибирь», сложны для понимания людьми, не получившими традиционного еврейского образования, даже если они владеют идишем. Поэт, обучавшийся в хасидской иешиве в Варшаве, словно возвращается в них к своим истокам, к своим пронизанным религиозными мотивами и образами досоветским поэтическим сборникам «Мит зих алейн» («С самим собой», 1932), «Тропнс ин ям» («Капли в море», 1935) и «Ибер мехицес» («Над перегородками», 1938). Поэт-переводчик Павел Толстогузов приложил немало усилий к тому, чтобы успешно решить эту творческую проблему. Книга получилась. Остается только сказать по-еврейски: «Яшер-коех», что на первом уровне прочтения может быть переведено как «большое спасибо», а на втором — как пожелание силы для новых творческих свершений.

Д-р Велвл Чернин

Молитва 1943

Х. Ланг

Боже, взгляни: я беден и спотыкаюсь на каждом шагу,
и мой ребенок носит обувь на три размера больше,
играет с погодками, падает и бежит ко мне, плача,
как я к Тебе — по поводу и без повода.

Я знаю, что обычно в молитвах Тебя увенчивают золотой хвалой,
обращая к Тебе изысканные слова;
и все же — обрати внимание на молитву ребенка,
который просто хочет спать в своей кровати,
а не на голой земле.

Белый день — Твой псалом, который я перечитываю ежедневно
и которому всегда удивляюсь;
я все еще способен восхищаться его последней строфой — закатом,
но когда я хочу вознести Тебе хвалу, мои руки не слушаются!

Прошу, не нужно меня за это наказывать,
ведь даже рубашка на мне — чужая.

Мудрость говорит мне, что человек мал
и что земля — низшая из Твоих сфер;
и все же не наказывай меня; просто выслушай жалобу
ребенка — одного из четверых, спящих на голой земле.

(Казахстан, военные годы)

א תפילה ניינצן דריי און פֿערציק

ה. לאנג

גוטער גאָט, זע, איך בין אַרעם און פֿאַל איבער זיך אַליין,
און מיין קינד טראָגט שייך דריי מאָל זיין מאָס
און שפּילט מיט קינדער זיך און פֿאַלט און לויפֿט צו מיר מיט געוויין
ווי איך צו דיר מיט אַ פֿאַרוואָס און אַן אַ פֿאַרוואָס.

איך ווייס, אַז אין אַלע תּפּילות טוט מען אָן דיך קרוינען פֿון גאָלד
און ווערטער צו דיר זיינען די שענסמע פֿון אַלע ווערטער.
דאָך באַליידיק נישם די תּפּילה פֿון אַ קינד וואָס אַלץ וואָס עס וואָלט
געוואָלט
איז אַן אייגן געלעגער און מוז שלאָפֿן אויף דער עדר דער פֿערטער.

דיין טאָג — דיין ליד — לייען איך יעדן טאָג און באוונדער,
באוונדער נאָן אַלץ די לעצטע סטראָף — דיין שקיעה,
נאָר ווען איך וויל נעמען לויבן דיך, פֿאַלן די הענט מיך אַרונטער.
אַ, שטראָף מיך נישט, דאָס העמד אויף מיר איז פֿרעמד און אויסגעליען.

מיין קלוגשאַפֿט ווייסט שוין אַז דער מענטש איז קליין,
אַז די ערד איז דאָס קלענסטע פֿון אַלע דיינע ערטער,
דאָך שטראָף מיך נישט און הער אויס דאָס געוויין
פֿון אַ קינד וואָס שלאָפֿט אויף דער ערד דער פֿערטער.

(קאזאכסטאן, מלחמה־יארן)

Мой сон игрушечной лопаткой сосредоточенно копает прошлое
— детство;
он проходит почву слой за слоем
туда, где наш дом и его гости:
они неожиданно приходят и уходят — странные, интересные,
взрослые люди.

И вот моя детская комната окрашена
отчетливым светом вечеряющего дня
цвета покрошенной с орехами праздничной моркови,
и вот уже вечер, и наша улица преисполнена вечерним светом,
как благодатью.

И вот — я опять один,
раннее утро, мороз,
и холодные древесные стволы смотрят сквозь барачное оконце.

Как много дней и дорог прошло
от меня до меня — столько,
сколько от Польши до Сибири.

הלומות

מיין חלום גראַבט אַלץ טיף די שייכטן
פֿון מיין קינדהייט, פּלאַסט נאָך פּלאַסט,
אַרײַן־אַרויס גייט גאַסט נאָך גאַסט
אין אונדזער הויז, אומגעריכט איז.

און געפֿאַרבט פֿון טאָג דאָס ליכט איז,
ווי מער געבראַקט מיט ניס, ווי ס'פּאַסט
פֿאַר חול־המועד, ווען אונדזער גאַס
מיט אַזאַ אָוונטליכט געדיכט איז.

עלנט צי איך פֿרי די דעק אָפּ
פֿון מיין געלעגער פּרייק קאַלט
קוקט אין שויב אריין דער וואַלד.

איז אַזוי פֿיל טעג און וועג אָפּ?
אַזוי פֿיל וועג פֿון מיר צו מיר
ווי פֿון פּוילן קיין סיביר.

Мой бедный дед, в твоём книжном шкафу
еще лежит длинный, высохший лимон,
оставшийся от Праздника кушей,
источающий благоухание:
все книги и свитки пропахли им.

Солнце освещает страницы Талмуда,
оставленного мной,
захваченным и тихо восхищенным его мудростью,
на столе —
«жил на земле некий человек, превращенный в червя...»

Наверно, мое лицо светится от этого сна,
так что даже Ленья, вор, мой сосед по нарам,
преисполняется мира и беззлобного сочувствия.

Он деликатно будит меня, и я, наконец-то окончательно
проснувшись,
постепенно становлюсь способным воспринимать реальность
и ужасаюсь ей,
и мой праздник без следа растворяется во всем этом.

דיין ספרים־שראָנק , אַ, זיידע מיינער אָרעם,
פֿון סוכות נאָך געבליבן אין דער שראָנק
אַן אתרוג, אויסגעטריקנט לאַנג
און שמעקט נאָך אַלץ, און סע שמעקן אַלע ספרים.

די זון שענקט אַ קעסטל שיין אין דרום
און אויפֿן טיש איז אַפֿן נאָך דער דף
וואָס כ'האָב געלאָזן אין חכמה טיף פֿאַרגאַפֿט —
געווען אַ מענטש און איז געוואָרן וואָרעם.

ממתמא שינט ס'געזיכט מיינס אינעם חלום,
אַזש ליאַניע גנב ווערט אַ רודף־שלום,
ליאַניע ביי מיין זייט, מיין שכן.

ער וועקט מיך שטילער, און ביז ווען איך וועק מיך
דערזע די וואָר און דערשרעק מיך,
פלאַנטערט זיך מיין יו־טוב אין דער וואַכן...

Как было бы здорово листать большие страницы
после полудня во время домашней Субботы,
милой Субботы, в ветреный, снежный день —
единственное, что у меня еще осталось
и что я люблю даже здесь.

Скоро бабушка даст нам субботнее угощение.
«Что за спешка, дети?» —
скажет она между делом, читая молитву благословения,
а снег валит и валит, заноса все вокруг.

Как во время Ташлиха, я вытряхиваю грехи из моих карманов
в это снежное море и никак не могу очиститься —
возьмите всё, но верните мне мою Субботу!

И хотя я ограблен уркаганом дочиста и у меня отняли все мое —
я цепляюсь из последних сил за карниз бабушкиной лачужки,
но даже там не могу удержаться,
даже оттуда урка сбрасывает меня вниз...

אַ, וויפּל פּעלט אַ מיש צו טאָן די בלעטער
און ס'איז אזא מין שבתל בני טאָג,
דאָס שבתל, דאָס איינציקס וואָס כ'פּאַרמאָג,
און ווי דאָ — אַ ווינטיק שנייק וועטער.

שבת־אויפּס גיט די באַבע שפּעטער:
קינדערלעך, וואָס איז דאָס געיאָג?
"ברכי נפשי", דערוויל די באַבע זאָגט, —
שיט און שיט דער שניי אָן גאַנצע מעטערס.

ביים ים פֿון שניי, ווי בני תשליך, פֿון די טאָשן,
איך וואָרף די זינד און קען זיך נישט דערוואַשן:
נאָ דיר אַלץ, נאָר גיב מיין שבת אפּ.

נאָר דער גזלן האָט אַלץ באַרויבט מיך קודם,
איך קלאַמער זיך אין באַבעס שטיבל־בוידעם,
נאָר ער וואָרפּט פֿון דאָרט מיך אויך אַראָפּ...

Безусловно, Йом Кипур, день очищения, был и есть,
и я не оскорблю его сомнением.
Я по-прежнему стою под дедушкиным молитвенным покрывалом
И кошу глазом оттуда сюда, где я сейчас нахожусь.

Сюда, в мой бесцветный и безотрадный день.
Но я ошибаюсь. Мы должны молитвенно возопить о прощении,
несмотря на вепря,
увлеченно, с чавканьем роющегося в моих грехах
своей нечистой харей.

И да: я не вступаю в беседу со змеей-искусительницей,
но каждой частицей своего тела воспеваю Кол Нидрей —
песню обетов,
и мне уже нет никакого дела до нашего вечно озлобленного
бригадира.

К тому времени, когда я расколол в щебень каждый камень, —
я уже вознес последнюю молитву
и пожелал евреям доброго нового года.

אָוודאי איז אַ מאָל געווען יום־כיפור.
איז ערשט אויך, און פֿרעג מיר נישט קיין שאלות,
איך שטיי נאָך איצט אונטער זיידנס טלית
קוק פֿון דאָרט אַזש אַהער אַריבער.

אַזש ביז צו מיין קלאַגטאָג, מיין טריבן.
ס'איז אַ טעות, מע דאַרף דאָך זאָגן "יעלות",
נאָר דער כאָם רעכנט אויס די מעלות
מיטן טמאן פּיסק, מייע זינד די זיבן.

כ'ענטפֿער נישט דער מיאוסער שלאַנג, דער הידרע,
מייע גלידער זינגען ערשט "כל נדרי"
און וואָס איז מיר מיין בייזער בריגאַדיר?

ביז איך וועל צעהאַקן אַלע שטיינער,
וועל איך אין זיך שוין האַלטן ביי עלינו,
אַ גוט־יאָר ווינטשן ייִדן ביי דער טיר.

Впрочем, кто преградит мне путь
туда, где живет мое сокровенное?
Путь далек, ночь наступает быстро,
И в округе нет ни постоянного двора, ни жилья арендатора.

Какое запустение, какая глушь, какие страхи таятся кругом.
Но вот во тьме затеплилась свеча: кто-то бодрствует.
Вот он открыл дверь в темноту.
Ты посмотри! Это же дядя Арон!

Чем он занят в столь поздний час? Он вчитывается в Тору
с полуночи до утренней звезды.
Я все еще слышу его такой знакомый, берущий за душу распев.

И когда я просыпаюсь, то никак не могу понять,
что здесь обман: мрак и тягостная реальность
или мой сон?

און ווער וועט מיר דעם וועג דען ערשט פֿאַרשפּאַרן
אַהין, אַהין וווּ כ'בין מיט מיין "רמח"?
ס'איז ווייט דער וועג, און ס'קומט גיך אָן די נאַכט,
קיינ קרעטשמער נישט, און נישט קיין אַרענדאַרן.

ס'אָ וויסט, ס'אָ וואָלד, סע לוייערן געפֿאַרן
נאָר סע בליצט אַ ליכט, ערגעץ איז מען וואָך,
מ'האַט אַ טיר אין חושך אויפֿגעמאַכט,
און זע! ס'איז דאָך מיין גוטער פֿעטער אַהרן!

וואָס טוט מיין פֿעטער אַזוי שפעט אין חצות?
ער לערנט תורה אַזוי אַ ביז כעלות,
כיהער נאָך קלאָר זיין האַרציק זיסן ניגון.

אַז איך כאָפּ מיך אויף, איז אַלץ מיר גאַרנישט קלאָר:
אַ ליגן איז מיין פֿינצטער־שווערע וואָך,
צו אפֿשר גאַר מיין חלום איז אַ ליגן?...

Еврей, постившийся сорок лет
в ожидании Бога,
бросил на меня свой взгляд.
Увы мне — пронзительный взгляд,
парализующий страхом.

Его лик становится все чище и яснее.
Он испытывает меня, праведный рабби Меир-Ихил, —
тот, с которым я когда-то делился своими ранними опытами.

И даже сейчас он хочет указать мне на то,
чего не следует делать никогда.

Испытай мою душу тысячью смертей,
оставь меня, брось меня у забора —
я всецело твой, о святой праведник.

Когда в детстве я бывал болен,
моя бабушка, взывая к праведным,
причитала так громко,
что наших дорогих мертвецов можно было поднять из могил.

А теперь, когда мою душу лихорадит,
я обездолен.

Некому позвать
никого.

האַט אָפּגעפּאַסט אַ ייד אַ פֿערציק יאָרן
אויף גלות־שכינה און אַצינד געשיקט
זיין בליק צו מיר. אַ, וויי איז מיר, אַ בליק
אַז כ'בין פֿון אים פֿאַרציטערט אַזש געוואָרן.

זיין פנים ווערט נאָך לויטערער, נאָך קלאָרער.
עס קוקט מיך אָן דער צדיק, ר' מאיר יחיאל,
געשמועסט אַ מאָל אין לערנען, ער וויל
אויך איצט מיר זאָגן וואָס מע טאָר נישט.

אַ, משפט מיין נשמה מיט טויזנט טויטן,
און לייג מיך, לייג מיך בי די פלויטן,
כ'בין אין גאַנצן דיין, אַ הייליקער ייד!

מיין באַבע האָט אַ מאָל געריסן קברים
אין מיין קרענק, נאָר איצטער בין איך אַרעם
ווען סע גליט אין פֿיבער מיין געמיט.

Слушать рассказы о чудесах вечерами, когда провозжают Субботу!
И я тут где-то в углу, как зачарованная тень,
а мои соплеменники — алмазная пыль небес;
они скреплены этими рассказами,
будто мастерком с раствором.

Луну снимают с ветвей, как яблоко,
и лошади скачут по дороге, взмывают и летят
туда, где сбываются чудеса
и где сейчас, прямо сейчас, праведник борется с Сатаной.

Боже, почему больше нет чудес?
Ты собрал все Твои волшебные вечера и ночи сюда,
и отсюда раздал их миру.

Луна ускользает
и кажется далекой как никогда.
Она избегает моего взгляда.

... און מעשיות הערן אין מלווה-מלכה-נעכט,
און איך בין אַ שאַטן אין ווינקל איינגעהערט,
און מיינע יידן זיינען שטיקער הימל אויף דער ערד,
יידן ווי בני מערזערן אויפן בלעך.

און די לבנה גלייך פֿון צווייגן ווי אַן עפל מען ברעכט
און מיט קפיצת-הדרך פֿליען פֿערד
אַהין וווּ דער ווונדער איז באַשערט,
דער צדיק פֿירט מיטן שטן ערשט געפֿעכט.

פֿאַר וואָס געשעט קיין ווונדער, גאַט, נישט מער?
אַלע נעכט האַסטו געברענגט אַהער,
פֿון גאַנצער וועלט און דאָ זיי אויסגעצויגן.

די לבנה זיך גנבעט אין אַ זייט
און איז ווי קיין מאָל אַזוי ווייט
און שעמט זיך צו קוקן אין די אויגן.

Мой сон — о прикосновении к иудейским священным книгам,
отпечатанным полууставом Раши,
об их пожелтевших страницах, изданных в Амстердаме, —
книгах, возможно, доставшихся в наследство от моего прадеда,
знаменитого цадика, раввина и сына раввина.

И вот я листаю страницу за страницей:
«пойми — о, пойми,сын человеческий» —
в пламени каждого существования
таится частица зла,
и добро творения неотделимо от его же зла;

а те, кто ненасытен в грехе, —
не более чем листья,
уносимые ветром.

Сколько же нам пребывать в грехе?

И вот лист сорван с дерева
и лежит в канаве почти недвижим.

חלומען זיך מיר ספרים יידישע מיט ר"שי-כתב,
פֿאַרגעלטע בלעטער דפוס אַמסטערדאַם,
אַ ירושה פֿון אַן עלטער־זיידן מן־הסתם,
אַ צדיק־מפורסם. אַ רב בן־הרב.

און איך בלעטער אַזוי כסדר דף נאָך דף:
"ודע — און ווייס בן־אדם, אַז אין יעדן פֿלאַם
לוערן די קליפות פֿון דעם ס"ם,
אין גוטס און שלעכטס פֿאַרמישט דאָס גאַנץ באַשאַף.

און די וואָס ווערן פֿון זינד נישט זאָט,
ווערן שפעטער מגולגל אין אַ בלאַט
אויף אַ בוים געוואָרפֿן פֿונעם ווינט.

דאַרף מען נאָך אַפּקומען די זינד?
דער בלאַט איז שוין אַפּגעפֿליקט פֿון בוים,
ליגט אין רינשטאַק און באַוועגט זיך קוים.

Так говорит реб Авром Хаим,
 раздавая евреям переписанные от руки строчки псалмов:
 «Бог являет себя и в геенне, и нужно быть слепым,
 чтобы не увидеть его покров
 и в средоточии всяческой жестокости не распознать его
 милосердие.

Ничто не происходит просто так, но во всем есть тайный
 промысел.
 Праведный муж завернут в пергамент, и пергамент горит,
 но евреи запевают хвалу Искупителю
 даже в осажденном врагами Святом Граде».

Вина и тьма овладели миром,
 но, как некогда в Содоме, реб Авром Хаим
 ищет пятьдесят праведников, чтобы исправить мир.

Прежде чем ты вникнешь в это, тебя погонят на лагерную
 переключку —
 охрана орёт, собаки лают.
 Кстати: может ли быть так, чтобы праведников не хватало?
 Вопрос.

ווי זאגט ר' אברהם חיים: אין גיהנום איז אויך דאָ גאָט,
 טיילט ער וידן איבערגעשריבענע קאפיטלעך תהלים,
 ווייל מע דארף דאָך זיין בלינד נישט צו זען אים פֿאַרהילן
 און אין אַכזריות נישט דערקענען זיין גענאָד.

נישטאָ קיין פשט אויף דער וועלט, ס'איז כול־סוד,
 אַז סע פייניקט זיך אַ מענטש ברענען גווילים,
 נאָר יידן קענען זינגען "שבחו גאולים"
 אפילו ווען באַלאַגערט איז די שטאָט.

ס'איז כול־חייב, די וועלט זי ליגט אין תהום,
 נאָר ר' אברהם חיים זוכט ווי אַ מאָל אין סדום
 די גערעכטע פֿופֿציק צו געבן וועלט אַ תיקון,

ביז וואָס־ווען טרייבט מען צום "אפיל",
 און וועכטער שרייען, און די הינט עס בילן,
 עס פֿעלן צום חשבון אפשר די צדיקים?...

Реб Авром Хаим кричит: эй, не забывай,
кем был твой дед, этот святой человек!
Почувствуй, он рядом, он вытолкнет тебя
из этого египетского ила — из сорока девяти врат нечистоты.

Еврейская молитва рассчитана на все двадцать четыре часа:
утро с его привычной тяготой — твой неизбежный псалом,
молитва о запирании врат — это когда сумерки мерцают
красным,
а днем — притча все, что ты видишь.

Заснеженное поле — священный саван.

В сибирском лагере стоят два еврея,
они говорят и говорят, пока не дойдут до слов Бешты из Окопов,
пока охранник не крикнет «прекратить!»,
и все опять станет притчей, даже этот язычник в армейском
полушубке —
и странность происходящего станет еще необычнее.

און ר' אברהם חיים שרייט: "נישט פארגעס,
האסט א זיידן געהאט דעם הייליקן ייד,
בינד זיך אן אין אים, ער ציט
ארויס דיר פון שער־טומאה די מיס־טית".

ביי א יידן אין א תפילה דער מעת־לעת:
דער פרימאָרגן — א קאָפיטל תהלים אין געמיט,
און נעילה - דער פאָרנאַכט און רויט צעגליט,
און אין בייטאָג — אַ משל אַלץ וואָס זעסט.

און אַ וויסער קיטל ווערט דאָס פֿעלד מיט שניי,
אין סיבירער לאָגער שטייען יידן צוויי,
מע רעדט און מע דעררעדט זיך צום בעל־שם,

ביז שפעט אַזוי, ביז דניעוואַלני שרייט "אַטבאָי!"
און ס'איז אַלץ אַ משל, אויך דער פֿרעמדער גוי,
און פֿרעמדער ווערט נאָך אַלץ וואָס איז די פֿרעמד.

Мойша Бродерзон врачует своими шуточками, будто бинтует раны,
 а реб Авром Хаим говорит: если угодно,
 это и в самом деле редкая заслуга —
 оказаться напоследок в духовно нечистых сибирских местах,
 ибо понимаешь ли ты, сколько вокруг искр божественного света?

Они, искры Б-жьи, хотят избавления от скверны,
 а ведь здесь столько скверны, под каждым кустом,
 хоть ведром зачерпывай!

В дни Баал-Шема никто об этих местах и не слыхивал,
 а то хозяин чудес проскочил бы сюда кратчайшим путем.

Кто знает, как далеко от Меджибожа до Лены?
 Реб Авром Хаим сокращает пространство и время,
 а сибирские сумерки над нами между тем угрожающе сгущаются.

Ты же знаешь: чудотворец обычно ездил по ярмаркам в тележке,
 чтобы спасти души.

И вот ты уже в чулках хасида,
 и ветер становится вольной песней без слов.

משה בראדערזאָן וויקלט ווי באַנדאַזשן אויף די ווונדן זיינע וויצן
 און ר' אַברהם חיים זאָגט: אַז דו ווילסט איז גאַר אַ זכות
 מגולגל ווערן אין סיביר, פֿון טומאה דער רשות,
 ווייל דו ווייסט דען וויפֿל ס'בעטן זיך ניצוצות,

הייליקע. פֿון שלעכטס אַרויס נעם און באַשיץ אונדז,
 און מיט עמערס שעפסטו אונטער יעדער קוסט,
 בימי בעל-שם האָט מען ס'אַרט דאָ נישט געוויסט,
 ער וואָלט אַהער געלאָפֿן מיט דרך-קפֿיצות.

פֿון מעזשיביזש ביז לענאָ מי יודע ווי ס'איז ווייט,
 ר' אַברהם חיים דערנענטערט דעם שטח און די צייט,
 כאַטש גרויזאָם פֿאַרכטיק לאָזט אַראָפּ זיך סיבירער דעמער

הערסטו אַ מעשה: דער בעל-שם פֿלעגט פֿאַרן אויף יאַרידים
 מתקן זיין נשמות און דו ביסט אַ חסיד פֿון חסידים,
 און דער ווינט ווערט אַ זמר.

Облекся проклятием, как ризою,
и вошло оно, как вода, во внутренность его.

Боже мой, я верю в тебя безмерно,
поверь и Ты в меня хотя бы чуть-чуть.

Ты осудил меня, послав множество испытаний, —
укрепи же меня теперь.

Я облек себя в проклятие,
а сам я — кожа да кости.

Дай мне меру восстаний
и падений.

Я не хочу быть ни первым,
ни последним из Твоих творений.

В тюремном оконце
луч, только луч Твоего светила.

Ты дал мне возможность стать Твоим праведником —
не позволяй мне стать Твоим отступником,
ведь даже чашечке цветка
Ты даровал свой оттенок цвета.

И пусть Ты облек ночь в эту непроглядную темноту —
ночь принадлежит Тебе.

И пусть Ты облек море в дикое величие —
Твой берег все равно положил ему предел.

וילבש קללה כמדו... (תהלים)

מיין גאָט, איך גלייב דיר אַזוי פֿיל,
גלייב מיר אויך אַ ביסל...
האַסט מיך געשאַלטן מיט אַזוי פֿיל פֿרוּוו,
שטאַרק מיר דאָס געוויסן.

כ'האַב אָנגעטאָנדי קללה אויף זיך
און סע סטאַרטשען אַרויס די גלידער,
גיב לויט מיין מאָס צו שטייגן אין דער הייך
און צו פֿאַלן אין דער נידער.

צווישן דיין באַשאַף וויל איך נישט זיין גרויס,
נאָר אויך נישט זיין דער קלענסטער,
דיין גרויסע זון שענקט דאָך בלויז אַ שטראַל
אין קליינע טורמע-פֿענצטער.

האַסט מיך געמאַכט פֿאַר דיין הייליקער,
לאַז מיך נישט ווערן דיין פֿאַרשוועכער,
האַסט דאָך אַ מאָס געגעבן אַפֿילו דעם קאַליר
אינעם בלומען-בעכער.

און מיט אַזוי פֿיל פֿינצטערניש געשטראַמט די נאַכט
זי זאָל זיך נישט איבערשויען,
און אַז דו האַסט דעם ים פֿאַרשאַלטן מיט ווילדערניש
האַסטו דאָך אים אויך געטאָן מיט אַ ברעג צויען.

Молитва человека в снегу

Сегодня на снегу ни одной капли крови.
Никто не был застрелен.
Вокруг тебя только снег. Снег.
И в самом тебе снег: белый на белом.

Защити меня, Боже, от снежных слов:
Ты был взвешен и найден легким.

Облик поселка — снег.

Небо, которому, казалось бы, негде упасть,
тоже проваливается в снег.

Калитку мотаает на ветру —
какая сложная просодия,
но и это об одном и том же: снег.

Потому что поселок — снег,
утренние молитвы — снег,
дневные молитвы — снег,
вечерние молитвы — снег.

Восток, запад, север, юг — снег.

Человек в снегу,
собака в снегу,
лошадь в снегу.

Мой маленький, еще оставшийся мне день
считает вслух, как ребенок —
до двух:
раз — снег,
два — снег,
снег,
снег.

א תפילה פון אַ מענטשן אין שניי

ס'איז היינט קיין בלוטפֿלעק נישטאָ אין שניי,
מ'האַט קיינעם נישט געשאָסן, איז שניי און שניי.
אַרום דיר — שניי,
אין דיר — שניי,
ווייס צו ווייס.

אַ, באַהיט מיר, גאַט, פֿון די שנייקע ווערטער:
מנא מנא תקל ופרסין.
פֿאַרן דאַרפֿיש פנים: שניי
פֿאַרן הימל וואָס האָט נישט וווּ צו פֿאַלן
און פֿאַלט אין שניי,
פֿאַר טויערלעך צעוויגטע אין ווינט
וואָס האָבן אזוי פֿיל צו זאָגן
און זאָגן בלויז: שניי
פֿאַרן דאַרפֿיש פנים: שניי,
פֿאַר שחרית — שניי, מוסף — שניי, מעריב — שניי,
פֿאַר מיזרח, מערבֿ, צפֿון, דרום — שניי,
אַ מענטש אין שניי,
אַ הונט אין שניי,
אַ פֿערד אין שניי.

דאָס טאַגל ציילט ווי אַ קינד
ביו צוויי:
איינס — שניי,
צוויי — שניי,
שניי,
שניי.

Полонез Огинского в Сибири

Дни покороблены жестоким морозом: пятьдесят ниже нуля.
Где же ты найдешь приют, моя негромкая мелодия?
Березы вдоль дороги
застыли в наждачном инее.

Я всецело во власти твоего полонеза,
и даже эта безмерная пустота согрета звуками радио,
и я могу биться об заклад,
что успею дойти до лагерной ограды, прежде чем звуки
растворятся в пустоте.

А там, за гранью вещей — осень,
и желтые листья падают и влекутся по земле,
чтобы чья-то рука сосчитала их,
чтобы каждый лист стал письмом безнадежной любви.

Мое детство где-то там, в этой таинственной мерцающей про-
галине:
все понимая, оно не в состоянии ухватить главное
и так же, как ты, тоскует у запертых Врат.

אָגינסקיס פּאָלאָנעז אין סיביר

ביז פֿופֿציק גראָד די פֿראַסטיק שטייפֿע טעג,
ווי וועסטו זיך אַהינטאַן, מיין דינער, ווייכער ניגון?
דאָ לאָזן זיך בעריאַזעס נישט פֿאַרוויגן,
זיי גליווערן מיט שניי, פֿאַרשיט ביים וועג.

מיט דיין פּאָלאָנעז אין ברוסט ווי אַ פֿאַרמעג,
און ראַדיאָ-קלאַנגען וואַרעמען אָן דעם שטח,
איך וועל אַרויס אַ זיגער פֿון געוועט איצט,
נאָך פֿאַרן קלאַנג דערגרייכן כ'וועל דעם ברעג.

ביים ברעג אין האַרבסט, ס'פֿאַלן נאָך געלע בלעטער,
און אַ האַנט איז דאָ וואָס ציילט זיי איבער שפּעטער,
און יעדער בלאַט איז אַ ליבעבריוו אין טרויער.

מיין קינדהייט בלאַנקעט דאָרט אויף טויקער פּאָליאַנע,
נישט פֿאַרשטייענדיק, זי האָט טיף אַזוי פֿאַרשטאַנען
און בענקט, ווי דו, ביים פֿאַרמאַכטן טויער.

Молитва

*Боженька-Боже,
дай нам дождик —
малым деткам
шестилеткам.*

Боже, твоим взрослым детям
не нужен дождь.
В нем нет благословения, им набухает грязь,
и человек отравлен этим хлюпающим смрадом.

Человек, Твое создание, даже сейчас все еще что-то значит.
Без него радость не в радость и беда не беда.
И хотя подчас Ты шлифуешь мироздание
мокротой из зеленой желчи —
только человек сможет оценить
изысканность и красоту результата.
Глупая змея, обновляясь, сбрасывает кожу,
а мы, Твои рабы, Твоя единственная неотвязная тень,
предназначены к обновлению смертью.
В городе взлаивают цепные псы,
и петухи, нелепо торжествуя,
пробуждаются с криком,
когда в предрассветной тьме
странник закутывает в черный креп
дома и улицы города —
чужак, чужеземец, гость-пришелец.
И только человек, Твое создание, может угадывать
Твое подмигивание — например, качающуюся ветвь,
как, впрочем, и другие Твои намерения.
Ибо язык Твоего дня ясен, как открытая ладонь,
а язык Твоей ночи труден для понимания,
как многозначительное молчание.
Так не погружай в стыд и позор Твоих избранников,
Твою алмазную пыль,
о великий шлифовальщик.

תפילה

*גאט, גאט, גיב א רעגן
פֿאַר די קליינע קינדערס וועגן...
(פֿון אַ פֿאַלקסליד)*

גאט, גאט, גיב נישט קיין רעגן,
פֿאַר די גרויסע קינדערס וועגן,
דער רעגן, דער רעגן איז נישט געבענטשט,
ווען ס'ווייקט זיך אין בלאַטע און סע שטינקט דיין מענטש.

דיין מענטש, דיין מענטש איז פֿאַרט עפעס דאָך,
אַן אים איז פֿרייד נישט קיין פֿרייד און בראַך נישט קיין בראַך,
און וויפֿל קומט אָן מיט דער גרינער גאַל
צו פּוּצן און פּוּצן דעם גאַנצן וועלטל,
זיך אויסגעשפיגלט און דו ביסט אַזוי שיין,
ווייס דאָך אויך בלוזי דערפֿון דיין מענטש אַליין,
ווייל בעל־חי איז נאַריש און קריכט פֿון דער הויט,
פֿאַר דיין קנעכט אַפֿילו, דיין שאַטן, דעם טויט:
סע צעבילן זיך הינט אין שטאַט אויף דער קייט,
און הענער זיך וועקן פֿאַרטאַגיק צעקרייט,
אַ נאַרישע שימחה אויף זייערע קעפּ,
ווען פֿרעמדער פֿאַרציט דאָ שוואַרצענעם קרעפּ
אויף הייזער, אויף גאַסן פֿון שטאַט אין דער פֿרי,
יענער, דער פֿרעמדער, דער גאַסט פֿון נישט־הי,
נאָר מענטש, דיין מענטש, ווייס איינער אַליין,
דיין ווינק אין אַ צווייג וואָס וויגט זיך, דיין מיין,
דיין אַפֿענע שפּראַך אין טאָג ווען דו באווייזט
ווי אויף דער האַנט אַלץ און אין נעכט ווען דו שווייגסט,
און וואָס איז אַפֿן געוועזן ווערט פֿאַרבאַהאַלטענער סוד,
טאָ פֿאַרשעם נישט דיין מענטש, דיין צירונג, מיין גאָט.

Гимн заходу солнца в сибире

*Смутно мне, Боже...**Юлиуи Словацкий*

Боже мой, я печален, а закат в этих местах так прекрасен,
так многоцветен!
Там, в Твоей высоте, такая красота, а внизу такая мерзость,
и люди гибнут.

Горько мне, Боже.

Как крестьянин, покинувший свои поля,
чтобы отпраздновать на свадьбе
или принять участие в факельном шествии, —
в разгар посевной страды, оставив землю невспаханной, —
так и Ты ушёл далеко и поманил за собой птиц.

Горько мне, Боже.

Дай, открой мне ключи Твоего потаённого града.
Разъясни мне смысл Твоего жестокого суда.
Да зачем же всё так восхитительно там, наверху, где находишься
Ты,
тогда как здесь, внизу, всё так мерзко, и люди гибнут?!

Горько мне, Боже.

הימן צום זונען-אונטערגאנג אין סיביר

*Smutno mi Boze...**(Slowacki)*

איז מיר אומעטיק, מיין גאָט, וואָס די שקיעה איז דאָ אַזוי שיין,
מיט אַזוי פֿיל פֿאַרבן, אַזוי פֿיל פֿאַרבן,
אויף דיין הימל — אַזוי שיין און אונטן — אַזוי מיאוס
מענטשן שטאַרבן...
איז מיר אומעטיק, מיין גאָט...

ביסט אַוועק, אַוועק, און פֿאַרבעטן פֿייגל אין דער ווייט
ווי צו אַ חתונה, צו אַ שימחה-פֿלאַקער,
ווי אַ פּויער וואָס לויפט אַוועק און לאָזט איבער זיין פֿעלד
אין ברען פֿון פֿאַרזיי, זיין פֿעלד נישט געאַקערט —
איז מיר אומעטיק, מיין גאָט...

אַ, אַנטפלעק מיר דעם שליסל צו דיין פֿאַרבאַרגענער שטאַט,
כ׳וויל וויסן דעם זין פֿון דיין משפט, דעם האַרבן,
פֿאַר וואָס אַלץ ביי דיר אויבן איז אַזוי ווונדערלעך שיין
און אונטן אַזוי מיאוס וועלן מענטשן שטאַרבן —
איז מיר אומעטיק, מיין גאָט...

Молитва о том, кто слаб

Тому, кто слаб — помоги, о помоги ему, Боже,
остаться человеком.

И пусть мир плюнул на него и растёр,
ползком, на четвереньках — ему лишь бы добраться до Тебя.

Твоя вечность уготована героям,
а слабый — тот, кто хотел бы урвать пару Твоих минут —
остаётся с пустыми карманами,
как еврей, ограбленный на ярмарке.

Ты всемогущ и несешь на себе
ощутимую тяжесть миров и звезд,
но, бывает, случается так, что вечернее небо кровенит тоской
и безысходной скорбью, —
а ведь это уже Твоё слабое место...

Так помоги ему, слабому-то, помоги, Боже,
остаться человеком.
И пусть мир плюнул на него и растёр,
ползком, на четвереньках — ему лишь бы добраться до Тебя.

א תפילה פֿאַרן שוואַכן

און דעם שוואַכן — אַ, העלף אים, העלף אים, גאַט,
ער זאָל צו אַ מענטש זיין געגליכן,
ס'האַט אים באַשפּיגן די וועלט, זאָל ער צו דיר
אויף אַלע פֿיר כאַטש דערקריכן.

דיין אייביקייט גרייט אָן די וועלט
פֿאַרן העלד, דער שוואַכער האָט דיינע מינוטן געוואָלט נאַשן
און איז געבליבן ווי אויף אַ יאַריד
אַ באַגנבעטער ייד, מיט ליידיקע טאַשן.

ביסט אַלמעכטיק און טראַגסט אויס אויף זיך
די מאַסע, די שווערע פֿון וועלטן און שטערן,
נאָר דער פֿאַרנאַכט איז דאָך אויך דיינער, דיין שוואַכע מינוט,
ווען דיין הימל עס גליט פֿון בענקשאַפֿט און באַגערן.

טאָ העלף אים, דעם שוואַכן, העלף אים, גאַט,
ער זאָל צו אַ מענטש זיין געגליכן,
ס'האַט אים באַשפּיגן די וועלט, טאָ זאָל ער צו דיר
אויף אַלע פֿיר כאַטש דערקריכן...

Мечтательный натюрморт

Стакан чая.
 Прекрасный, прозрачный стакан чая.
 Милый запах,
 поднимающийся вместе с паром из тонкостенного стакана,
 стоящего на домашнем столе,
 покрытом белой скатертью,
 в залитой солнечным светом комнате.

Свежая газета,
 блаженное безделье
 и никаких планов на завтрашний день.

Медленно, небольшими глотками
 я пью чай
 и затягиваюсь
 ароматной сигаретой.

אויסגעחלומט שטיללעבן

א גלאז טיי,
 א שיינע, ריינע גלאז טיי,
 א היימישע, א שמעקנדיק זיסע,
 אין דין געשליפן גלאז
 אויף א שטילן טיש,
 באדעקט מיט ווייס,

אין דער ליכטיקער שטוב,
 א צייטונג מיט נייעס,
 א וואזאן לידיקגיין,
 גארנישט טאן מארגן.
 איך טרינק פאמעלעך, פאמעלעך
 דעם כוס
 און רייכער
 א געשמאקן פאפיראס.

Я опять обменяю дневную норму хлеба на пачку махорки.
 Это привычно: день без хлеба.
 А что делать? Даже в книге «Маавар Яббок»,
 которая готовит к переходу в мир иной,
 об этом не прочитаешь.

Уже осточертела вся эта маршировка —
 понукание к вечной ходьбе строем;
 благословен тот, кто мертв, и ты, возможно, следующий,
 кто подойдет под это формальное благословение.

А я вот совсем выжил из ума:
 как нужно правильно ходить-то — на двух ногах
 или ползать на четвереньках,
 как выбившееся из сил животное?

כ'וועל טוישן דאָס ברויט אויף אַ קעסטעלע טאַבאַק,
 געווינט שוין, געווינט אוין צו אַ טאַג אָן ברויט,
 וואָס זאָל איך טאָן? — אין מעבר יבק
 זעט זיך נישט פֿאַר אַזאַ מין אַ טויט.

דערעסן דאָס אייביקע אין ריי גיין, אין ריי גיין,
 און ס'איז גאָר אַ ברכה: מיט די פיס צום טיר,
 אַז כ'האַב שוין פֿאַרגעסן צי דאַרף איך אויף צוויי גיין,
 צי גאָר, ווי אַ בהמה, קריכן אויף פֿיר...

Со мной или без меня —
все закончится смертью,
и березы будут, плакучие, плакать.

И каменные выступы сопок будут тверды,
как проповедующий в собрании: всему конец,
все погибло,
дальнейшее — молчание.

А птицы по-прежнему будут штурмовать небо
и беспокоить ветки деревьев.

И травы, растущие у земли, умирая,
будут умолять: Отче — делай, что хочешь,
только не дай нам умереть.

И лошади, всхрапывая, будут обрывать лезвия травы,
но и они умрут.

Тогда я стану цветком или чем-то еще,
во что там земля-работница претворит мои кости,
а время, жужжащая пчела,
будет по-прежнему собирать пыльцу и мед
для вечности.

Я буду цветком, неповторимым, каким я был однажды,
и вновь умру. Вновь.

А что же люди, которые будут тогда жить на земле,
после меня?

Они будут заниматься тем и этим, и всяким разным,
а когда им нечем будет заняться,
они начнут резать друг другу глотки и умирать.

Ну или умирать просто так.

В сущности, какой пустяк — умереть.

צי מיט מיר, צי אן מיר,
וועלן טעג אויסגיין מיט א טויט, א הארבן,
און בעריאזקעס וועלן ארומגיין און זוכן זייער פארלירענע בענקשאפט
און וויינען זוכנדיק.

און שטיינער וועלן זאגן א סוף, אן עק, פארפאלן,
און שווייגן,
נאר פייגל וועלן שטורעמען די הימלען און מאכן סקאנדאלן
אויף צווייגן.

און גראזן, וואס האבן זיך באגנונגט וואקסן ביי דער סאמער ערד,
וועלן זאגן: פאטערל — טו מיט אונדו וואס דו ווילסט,
נאר נישט שטארבן.
ס'וועלן זיי אויפעסן די פערד,
נאר די פערד וועלן אויך שטארבן.

און איך וועל זיין א בלום דעמאלט, צי עפעס אנדערש וואס,
אין וועלכע די ארבעטזאמע ערד וועט מיין געביין פארוואנדלען,
די צייט — די זשומענדיקע בין
וועט מיר אויסנאגן דעם האניק און די פארבן
פאר דער אייביקייט,
איך וועל א בלום זיין
און ווידער שטארבן.

און מענטשן וואס וועלן דעמאלט זיין?
זיי וועלן מסתמא טאן דאס און יענן,
און אז זיי וועלן נישט האבן וואס צו טאן,
וועלן זיי זיך קוילען און שטארבן —
אדער גלאט אזוי שטארבן —
א געשעפט צו שטארבן?

Ну вот,
теперь уже все хорошо,
и мои живые мощи
утопают в мягкой кровати.

Но мне все еще часто кажется, будто я лежу на лагерных нарах
и слышу крик «встать!» на побудке,

и безотчетно хватаю с пола свою одежду,
предчувствуя уличный холод серого дня,
где лес, дорога и несколько жилых домов в отдалении
представляются темным пятном на каком-то неясном холсте.

און ערשט איז שוין גוט, די ביינער, די דארע,
באָדן זיך אויס אין ווייכן געלעגער,
נאָר נישט איין מאָל כ'פיל זיך אַן אַרעסטאַנט אויף דער נאַרע
און הער דעם "שטיי אויף" נאָך אַלץ פֿונעם וועקער.

און כ'צי פֿון געוווינשאַפֿט צום דיל נאָך די קליידער,
סיוועט וואַרטן אַ פֿרייקער דרויסן, אַ גראָווער,
ווען וואַלד און וועג און קופּקעלע הייזער,
איז איין טונקעלער פֿלעק אויף עפעס אַ טאָול.

Мой маленький город

Когда я окажусь там, где был дом,
дома, конечно, уже не будет,
и на мою долю останется лишь тихий плач,
как в детстве.

И как в детстве мать скажет,
завершая рассказ:
однажды, в незапамятные времена, здесь был дом,
но только его уже нет, этого дома. Нет. Его нет.

Среди битых кирпичей, куч мусора,
грязи, сажки и сорной травы,
там, где ветер играет обрывками прошлого,

я наконец пойму,

для чего в нас было и будет пребывать то, давнее, когда-то
бывшее,
такое далекое от новых песен.

А вокруг уже новые люди с их свежей респектабельностью —
и вот моя маленькая сказка исчезает. Исчезает.

(Сибирь, лагерь)

מיין שטעטל

און ווען איך וועל אהין דערגיין,
וועט זיכער שוין דאָס הויז נישט שטיין,
און בלייבן וועט צו טאָן אַ וויין
ווי אַ מאָל, אַ מאָל אַ קינד.

און ווי אַ מאָל אין מאַמעס שויס
די מעשה אירע לאַזט זיך אויס:
— געווען אַ מאָל, געווען אַ הויז,
נישטאַ, נישטאַ אַצינד.

און צווישן ציגל, הויפּנס אַש,
רוינען-גראָז און קויט און סאַזש,
פֿאַרגאַנגענהייט וועט טאָן אַ טאַש
דער ווינט.

נאָר וואָס געווען וועט זיין שוין ווייט,
אַזוי ווייט פֿאַר נייער צייט,
נייע צייט און נייע לייט —
דאָס מעשהלע פֿאַרשווינדט.

(סיביר, אין לאַגער)

Прежде чем наступит весна

Волею или неволею,
вопреки моему слабому и как будто чужому сердцу
весна улыбается мне своей безотчетной улыбкой,
устыжая меня.

Много, о много позади. И ведь что-то еще впереди, да?
Но во мне сейчас глубокий мир, недоступный надеждам,
а главное — временами юный апрель воркует,
как голубь!

Где-то позади остались мои мечты,
вмороженные в лед и в твердый, обветренный снег.

Но эти теплые ветерки — они раздувают полы моего пальто,
как дети, нечаянно толкающие и беспокоящие старика
с его морозной сединой.

Они ведут его, да, куда-то они его ведут.

Бог весть куда.

Чтобы оставить его там среди полей,
деревьев, птиц и осиянных ясным светом лугов.

פֿאַר פֿרילינג

ווייליק, צי אפשר נישט ווייליק,
אַזוי ווייט דעם האַרץ און פֿרעמד
פֿאַרן ליכטיק צעשמייכלטן פֿרילינג
עס האָט מיין געמיט זיך פֿאַרשעמט.

ס'איז אַזוי פֿיל פֿאַרביי און קומט נאָך
נאָר אין מיר — ווי שטיל איז, ווי שטיל!
אַמאָליק אַזוי עס ברומט נאָך,
ווי אַ טויב, דער יונגער אַפֿריל.

ס'איז ערגעץ פֿאַרפֿרוירן מיין חלום
אין ווינטערס אויף שניי און אויף אייז,
ערשט ציען ווינטלעך ביי פֿאַלעס,
ווי קינדער אָן אַלטיקן גרייז.

זיי וועלן אים ערגעץ דערפֿרירן,
אויף וועגן ווער ווייס ווהין,
אין וועלדער אים ערגעץ פֿאַרלירן
ביי פֿייגל, ביי ביימער, ביי גרינס...

9 ----- א תפילה ניינצן דריי און פֿערציק-----

11 ----- חלומות -----

13 ----- דיין ספרים־שראָנק , אָ, זיידע מיינער אָרעם-----

15 ----- אָ, וויפֿל פֿעלט אַ מיש צו טאָן די בלעטער ... -----

17 ----- אַודאי איז אַ מאָל געווען יום־כיפור ... -----

19 ----- און ווער וועט מיר דעם וועג דען ערשט פֿאַרשפּאַרן ... -----

21 ----- האָט אָפּגעפֿאַסט אַ ייד אַ פֿערציק יאָרן ... -----

23 ----- און מעשיות הערן אין מלווה־מלכה־נעכט ... -----

25 -----...חלומען זיך מיר ספרים ייִדישע מיט ר"שי־כתב ... -----

27 ----- ווי זאָגט ר' אַברהם חיים: אין גיהנום איז אויך דאָ גאָט ... -----

29 ----- און ר' אַברהם חיים שרייט: "נישט פֿאַרגעס ... -----

31 ----- משה בראַדערזאָן וויקלט ווי באַנדאַזשן אויף די ווונדן זיינע וויצן -----

33 ----- וילבש קללה כמדו ... -----

35 ----- אַ תפילה פֿון אַ מענטשן אין שניי ... -----

37 ----- אַגינסקיס פּאַלאַנעז אין סיביר ... -----

39 ----- תפילה -----

41 ----- הימן צום זונען־אונטערגאַנג אין סיביר -----

43 ----- אַ תפילה פֿאַרן שוואַכן-----

45 ----- אויסגעחלומט שטיללעכן -----

47 ----- כ'וועל טוישן דאָס ברויט אויף אַ קעסטעלע טאַבאַק ...-----

49 ----- צי מיט מיר, צי אָן מיר ...-----

51 ----- און ערשט איז שוין גוט, די ביינער, די דאַרע ... -----

53 ----- מיין שטעטל -----

55 ----- פֿאַר פֿריליני -----

ישראל עמיאָט

סיביר

ביראָבידזשאַן 2021